

Научная статья

УДК 81=512.31

DOI 10.18101/2686-7095-2025-4-67-76

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В БУРЯТСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

© Бадмаева Лариса Батоевна

доктор филологических наук, доцент,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

lorabadm@mail.ru

© Базаржапова Алтана Доржиевна

аспирант,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

dorjaltan@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется возрастающим значением антропоориентированной лингвистики и малой изученностью вербализации эмоций в бурятском языке. Статья посвящена выявлению лексических средств, фигур речи, передающих эмоциональное состояние человека. Материалом для исследования послужили фрагменты из современных художественных текстов и исторического нарратива бурят на монгольском письме. Определено, что в повествовательных нарративах бурят мало используются средства выражения эмоций, за исключением выражения *иронии*. Ирония и сарказм широко представлены в любом обществе, но языковые средства их выражения недостаточно исследованы в лингвистике. Выявлено, что в письменных текстах бурят ирония может передаваться с помощью таких языковых средств, как стилистически маркированная лексика (в частности, гипербола, возникающая посредством употребления слов высокого стиля), модальные частицы (*da-a* / *даа*, *гээшэ*, *-л(э)* и др.) и повторы (лексические, смысловые и др.). Эти элементы сами по себе не являются маркерами иронических высказываний, но способны в определенном контексте передавать скрытую насмешку, отрицательное отношение говорящего к чему-либо, особую эмоционально-интеллектуальную окраску — иронию, переходящую в сарказм.

Ключевые слова: бурятский язык, ирония, корпусный материал, бурятские летописи, модальные частицы, повторы, стилистика, эмотивность.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Бадмаева Л. Б., Базаржапова А. Д. Языковые средства выражения иронии в бурятских письменных текстах // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 4. С. 67–76.

Введение

В первой половине XX в. группа мыслителей и ученых (Ш. Балли, Я. Й. А. ван Гиннекен и др.) объявила выражение эмоций центральной функцией языка [16; 18]. Однако научная значимость изучения этой стороны языка стала очевидной позже, с 1980-х годов, когда начала активно развиваться эмотиология и стали незыблемыми представления о том, что «слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью» [5, с. 25] и «язык — это средство выражения эмоций, а сами эмоции человека — это форма отражения отношения человека к миру» [15, с. 68].

К настоящему времени накопился большой массив исследований эмотивности на материале различных языков (прежде всего, европейских). Однако эмоции и способы их вербализации остаются одной из самых сложных и малоизученных сфер лингвистики, особенно это касается языков, которые в целом реже оказывались в центре внимания лингвистов. Так, в сфере монгольских языков на данный момент нет фундаментальных трудов, в которых бы с лингвистической точки зрения комплексно описывались средства выражения эмоций. Тем не менее вербализация разных эмоциональных состояний описывается в ряде недавних исследований, которые посвящены эмотивности, выраженной, прежде всего, на лексическом уровне языка (см., например: [11; 13; 14]). Имеются наработки по синтаксическим и просодическим средствам выражения эмоций (см., например, [1; 7]).

Настоящая статья посвящена средствам выражения иронии в бурятском языке, которая мало исследовалась на этом языковом материале (разве что в широком литературоведческом анализе юмора и сатиры в произведениях бурятских писателей). Ирония представляет собой непрямую эмоциональную реакцию на что-либо и является многоаспектным явлением. «Существует такое разнообразие явлений, к которым применимо понятие “ирония” <...>, что вряд ли возможно найти единое определение этого понятия» [19, с. 451] (перевод наш. — А. Б.)¹. Ирония в традиционном обобщенном понимании — способ сказать одно, имея в виду нечто противоположное, ср.: «ирония — это один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» [8, с. 6]. В настоящей статье вслед за ученой С. И. Походней под иронией понимается явление, когда в подтексте высказывания или более крупного фрагмента дискурса возникает «субъективно-оценочная модальность отрицательного характера», которая «находится в отношениях противоречия, противопоставления с поверхностно выраженным содержанием...» [12, с. 60].

¹ «...there exists such a diversity of things to which the name “irony” appropriately attaches <...> that one despairs of ever finding a unified core».

Будучи сложным явлением, ирония может проявляться на всех уровнях языка. Интерес представляет рассмотрение того, какими языковыми средствами в бурятском языке может передаваться ирония, или, иными словами, скрытый эмоционально-оценочный, критически насмешливый смысл высказывания. Цель статьи — рассмотреть некоторые средства выражения иронии в бурятском тексте. Изучение иронии в этом аспекте отвечает глобальной задаче изучения лингвистических средств и механизмов возникновения иронии для машинной обработки и автоматического распознавания иронического посыла в различных текстах (см., например, обзор исследований по распознаванию сарказма: [17]). Кроме этого, анализ конкретных средств передачи иронии представляет практическую ценность в рамках изучения бурятского языка как второго, на что у части общества сейчас наблюдается активный запрос, согласно недавнему социалингвистическому исследованию [4].

Материалы и методы исследования

Ирония — явление, возникающее в дискурсе, соответственно, изучение вербализации иронии подразумевает обращение к текстам и их интерпретациям. В статье предпринимается одна из первых попыток описать языковые средства выражения иронии в бурятском языке на ограниченном материале — контекстах из Корпуса бурятского языка¹, а также материалом для работы на данном этапе послужила хроника В. Юмсунова «*Qori-yin arban nigen ečige-yin jon-u uy ijaγur-un tuuγi*» ‘История происхождения народа одиннадцати хоринских родов’ [9; 10 (перевод)]. Обращение к Корпусу бурятского языка, состоящего в большей степени из художественных текстов, оправданно тем, что в художественной литературе через авторскую стилизацию фиксируется вариант разговорного дискурса, обладающий теми же специфическими чертами, что и обычная разговорная речь. Поводом же к рассмотрению летописи В. Юмсунова стало то, что в подобных исторических памятниках, имеющих характер научного очерка, может особым образом передаваться отношение автора к описываемым событиям, и это представляет интерес в рамках не только в лингвистических, но и исторических, культурологических исследований.

Поиск контекстов с ироническим смыслом в Корпусе бурятского языка осуществлялся следующим образом. Сначала производился поиск употреблений трех бурятских глаголов, близких по значению к русскому *иронизировать*, — *эгтолхо* ‘насмехаться, подтрунивать’ (найдено 97 употреблений), *шоглохо* ‘шутить, острить’ (149 употреблений), *енгүүрхэхэ* ‘ехидничать, досадовать’ (40 употреблений). Среди найденных употреблений отбирались контексты вида «[*прямая речь героя*]», — *сказал герой с иронией* / *иронично* или подобные контексты, в которых глаголы *эгтолхо*, *шоглохо*, *енгүүрхэхэ* (в разных формах) поясняют коммуникативное намерение, содержащееся в реплике героя, а сама реплика должна была

---

¹ Корпус бурятского языка (около 3 млн словоупотреблений, доля автоматического разбора — 85 %). URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 01.07.2025). Текст: электронный.

представлять собой искомое ироническое высказывание. Среди этих отобранных употреблений оказалось лишь 18 контекстов, отвечающих указанным требованиям (в большей части случаев в реплике героя содержалась шутка или открытая насмешка, а не ирония). В работе приводится лишь часть из них в связи с ограничениями объема статьи.

В анализе материала использовались традиционные методы: лингвистическое описание, филологический анализ, контекстно-семантический анализ текста. Результаты анализа излагаются далее.

Результаты исследования

Среди средств выражения иронии, обнаруженных в корпусном материале, одним из наиболее наглядных является использование слов высокого стиля в контексте обыденного разговора. В примерах (1)–(2) *агуухэ сэргэшэн* ‘великий воин’, *хүнөөхэ* ‘уничтожать’, *мундаг ехэ* ‘чрезвычайно / невероятно / неимоверно большой’ — это стилистически маркированные лексемы, гиперболизирующие реальное положение дел и порождающие в данных контекстах иронический подтекст:

(1) [Дэлгэрэй] *Дүтэлхэдэнь, мэхэтэйгээр энэбхилхэн Дамба-Дугар болошобо. — Мэндэ амар, агуухэ сэргэшэн, большевигүүдые хүнөөхэ хэрэгтнай ямар ябажа байна? — гэжэ хара хахалта* [Дамба-Дугар] *эгтолбо* [«Гаржаамын таабари», В. Гармаев, 1992]: Когда он [Дэлгэр] подошел ближе, это оказался хитро улыбающийся Дамба-Дугар. — Приветствую, **великий воин**, как идут ваши дела по **уничтожению** большевиков? — **с иронией** спросил чернобородый [Дамба-Дугар у Дэлгэра];

(2) — *Дондог, мэндэ! Ши хаанаһаа ябана гээшэбиши? <...>*
— *Бооржоор борхожы сохёод, Ононоор очко сохёод, Дульдаргаар дурааг сохёод ерэбэб...*
Булад тэрэниие шоглон дуугарна:
— *Мундаг ехэ ажал хэжэ ябана ха юмши даа* [«Талын харгынууд», Ц.-Ж. Жимбиев, 1956–1966]:
— Дондок, здорово! Ты откуда это идешь?
— В Борзе играл в карты, на Ононе – в очко, в Дульдурге в дурака играл...
Булат, *насмехаясь* над ним, проговорил:
— Да-а (видать), ты **огромную** работу работаешь!

В примере (2) ирония также опосредованно выражается за счет использования модальных частиц. Использованное сочетание утвердительных частиц *ха юм* придает умозаключению высокую степень достоверности, и такой акцент на формальной истинности высказывания при его очевидной ложности (играть в карты — это несерьезное дело) считывается как иронический. Утвердительная частица *даа* придает высказыванию дополнительную экспрессивность и также участвует в выражении иронии. В примерах (3)–(6) подобным образом ирония опосредованно передается через использование не только рассмотренных *ха*, *юм*, *даа*, но и утвердительной частицы *хэн*, акцентирующих частиц *-л(э)*, *-шье* и усилительной *гээшэ*:

- (3) — *Ажсалаа хаяад, малаа орхёод, урагша хойшоо, зүүлжээ баруулжаа эсэтэрээ гүйлгэлдэхэ юм бы даа. Тээд яахань даа, колхоздо мори харан, машина тошыло элбэг хаям [=ха юм] даа, — гэжэ Хайдаб үбгэн <...> энгүүрхэнэ* [«Баян зүрхэн», Б. Мунгонов, 1974]: Будут, видимо, без конца бегать туда-сюда, направо-налево, оставив работу, бросив скотину. *Ну, ничего, в колхозе лошадей и машин полно же / ведь, — ответил с издевкой* дедушка Хайдап¹;
- (4) Мархай. <...> *намайе баһаба наадалба гэжэ ябажа гүйдэг хүнүүдые үни заяанай хараагүйлби. Юрэдөө, шимэ хүн хаанаһаа гэнтэ гаража ерэбэ гэшиэбта?* <...>
Ялтуев (ёгтолжо). Үнинэй хараагүйб гэнэл! Энэмнай яагаа хүрхэй үбгэн гэшиэб?! [«Шэнэ халхин», Ц. Шагжин, 1987]:
Мархай. <...> давно я не видел людей, которые говорили бы, что «надо мной издеваются, меня унижают». Откуда вы такой вообще взялись? <...>
Ялтуев (с иронией). Давно не видел, говорит! Смотрите-ка, какой важный старик?!
- (5) — *Заримандаа яагаа һанаамгай агшабиш, Дэришүүхэймни.*
— *Заримандаа бэиш, анханай тиимэ һэм, — гэжэ улаан шара һамганишнь энеэбэ.*
— *Зүб хэлээш, зүб хэлээш! Нээрээл анханай тиимэ һэниш, инаг ганса Дэришүүхэймни, — гэжэ ёгтолон, Бирид хас-хас энеэбэ* [«Баян зүрхэн — II», Б. Мунгонов, 1979]:
— Иногда ты такая сообразительная, моя Дэришүүхэй!
— Не иногда, а изначально я была такая, — рассмеялась его румяная жена.
— *Верно-верно говоришь! И впрямь ты искони такая, моя любимая Дэришүүхэй,*
— *с иронией* сказал Бирид, заливаясь смехом².
- (6) — *Энэ хубсаһа үндэр дээдэ түрэлтын гарһаа бэлэг абаа хүнби <...>.*
— *Юрэдөө, үнэхөөрөөшье гайхалтай гоё хубсаһа үмдэдэг болоолши. Шамдал адли гоё гоомой хүн дүтэ наашашье үгы ха даа. Ихэдээ гайтайл байнаш даа, Дондог!* — *гэжэ энэ дасангай шофёр, газарлиг тэбхэгэр хүн, Гоншоо Намсарай гэдэг ёгтолбо* [«Талын харгынууд», Ц.-Ж. Жимбиев, 1956–1966]:
— Эту одежду я получил в дар от высокопоставленного лица <...>

¹ По сюжету, в какой-то местности люди переселены в новое жилье (скорее всего, речь идет об укрупнении сел и перемещении ферм в отдельное место неподалеку от нового жилья), но оставался дом старика Хайдапа, который наотрез отказался переселяться. На доводы собеседника о преимуществах нового жилья старик отвечает ехидными, колкими репликами. В данном контексте старик ехидно сокрушается, что после реорганизации люди будут бегать туда-сюда, от жилья до своей работы, но тут же притворно соглашается с тем, что это не станет проблемой.

² В культуре монгольских народов не принято публично хвалить свою жену или открыто выражать ласковое обращение к ней. Здесь это использовано в шутливой, полуиронической форме с определенной целью: герой хочет задобрить свою суровую жену, у которой в руках находятся все денежные средства семьи, чтобы она купила ему бутылку горячительного напитка в ближайшем магазине.

— И вправду ты стал поразительно нарядно одеваться. Наверное, у нас в ближайшем окружении нет человека, подобного тебе, такого франта и красавца, как ты. Тогда ты, Дондок, весьма необычный человек! — ехидно сказал шофер этого дацана, коренастый, угловатый человек, которого называли Гнусавым Намсараем.

Нужно обратить внимание на то, что смысловой и эмоциональный заряд указанных бурятских частиц сложно передать на русский язык эквивалентными лексическими средствами, поэтому в предложенных переводах почти все рассмотренные частицы остались без прямого перевода.

Выходя за рамки лексического уровня, удалось обнаружить, что средством выражения иронии могут служить повторы. Как известно, повторы выполняют усиительно-выделительную функцию, передавая различные эмоции: восхищение, удивление, раздражение, гнев, досаду, сомнение, тревогу, беспокойство и т. д. (например, о повторе как эмотивном интенсификаторе в бурятских каузативных конструкциях см. подробнее: [6]). Если вернуться к примерам (4)–(6), можно отметить, что повтор, реализующийся в них в разных формах, участвует в передаче иронии. Так, в (4) говорящий с насмешкой повторяет слово *хараагүйб* ‘не видел’ из реплики собеседника. В (5), дважды произнося фразу *зүб хэлээш* ‘верно ты сказала’, муж иронично соглашается с женой. В (6) реализуется смысловой повтор: разными способами говорящий с ехидством восхваляет красоту и исключительность собеседника. Иронический подтекст особым образом реализуется в следующем повторе (7):

(7) — Яагаа *һонигүй* амитанбиш!

— *Харин тамнай ямар һонинтой ерэбэ гээшэбта?* — *гэжэ хүбүүн ёгтолно* [«Талын харгынуд», Ц.-Ж. Жимбиев, 1956–1966]:

— Какое ты странное [досл. неинтересное] существо!

— *А вы с какими новостями пожаловали?* — *с ехидцей* спросил парень.

В этом примере повторяется многозначная лексема *һонин* ‘новость; интересный’: в первой реплике *һонигүй* с отрицательной частицей *-гүй* употреблено в значении ‘неинтересный, странный’, в ответе на оскорбление собеседник использует ту же лексему, но с показателем комитатива и в другом значении — *һонинтой* ‘с новостями, располагающий новостями’. К сожалению, в переводе теряется этот лексический повтор.

Что же касается анализа текста хроники В. Юмсунова (см. подробнее о ней: [2]), то в ней был обнаружен один фрагмент, в котором можно проследить иронию автора по отношению к определенным событиям. Прежде чем рассмотреть этот фрагмент, необходимо отметить, что хроника, о которой идет речь, — это самая объемная и наиболее обстоятельная из всех бурятских летописей. Она написана на монгольском вертикальном письме в 1875 г. главой цаганского рода, шуленгой Ванданом Юмсуновым, состоит из 12 озаглавленных разделов и описывает историю хоринцев начиная с ранних времен до II пол. XIX в. «В летописи представлена история распространения буддизма в Монголии и Бурятии, дается детальное

описание верований и обрядов шаманства, подробно говорится об административном устройстве и управлении хоринцев приводятся данные о главных хоринских тайшах и их помощниках, о грамоте Петра I от 22 марта 1703 г. и о всех последующих указах и предписаниях русских царей, по которым за хоринскими родами были закреплены земли от Байкала до монгольских границ; о развитии хозяйства у хоринских бурят, несении службы в пользу российской империи, об отделении агинских бурят и т. д.» [3, с. 24]. В летописи особенно широко использованы деловые и летописные документы, устные легенды и предания бурят. Фрагмент летописи, представляющий интерес в рамках настоящей статьи, содержится в девятой главе и касается трудного периода бескормицы в жизни хоринских бурят:

«3. *Eyimü mayu bayidaltai yabutala-ni jarim jil-nüd-tü qoura boroyon orul-ügei masi yeke yang / bolju: yajar-un noyuy-a ese yaruyad: ebül-ün čay-tu časang yeke unuju ebül ba qaburun čay-ud-tu / ilangyuy-a küyitün bolqui-dur mal-ud-un tejijel ügeyidekü ba teden-iyen küyitün-eče qalqalaqu yajar-ügei aysan- / iyar yaqakiq-ču arу-a ügeidejü mal-nud-yan dayusun siquu ükkügülejü orkiyad: tegün-i öber-ün seremji-ügei ba čidal-ügei bayidal-ača mal-nud-yan aldaba bide geji nigeken-čü sanaqu-ügei: qarin burqan-u tayalal-iyar teyimü / qatayу jud bolbai-da: jud-un yayum-a julay-tai ayči-da-a: üldügsen yayča nige mal-nud anu: udal-ügei öskü-da kemen nayidamjitai yabuday aysan:» [9, с. 144]. — ‘В столь бедственном положении жили они (хоринские буряты — Л. Б.). В течение нескольких лет не бывало дождя, происходила сильная засуха, трава не росла, а в зимнее время в изобилии выпадал снег. Зимой и весной, когда становилось особенно холодно, наступала бескормица для скота. Из-за того, что не было помещения для их защиты от холода, создавалось безвыходное положение: скотина гибла от холода и голода. Потеряв почти весь свой скот, они нисколько не думали о том, что потеряли свой скот из-за своей собственной неосмотрительности, беспомощности и неумения вести хозяйство. Но они полагали, что столь жестокая бескормица произошла по божьей воле, что бескормица — это к добру, что оставшиеся в единственном числе скотины вскоре размножатся, — вот с такой надеждой они жили’ [10, с. 80].*

В данном эпизоде автор в неявной форме критикует хоринский народ за бездействие, лень и наивность: они не строят утепленные загон для скота, не заготавливают корма на зиму, из-за чего во время бескормицы гибнет почти весь их скот от холода и голода, а домашние животные для кочевников — это основа их существования и благосостояния. Далее, в выделенном фрагменте автор иронизирует над тем, что хоринцы нисколько не задумывались о том, что теряют скот по своей вине и не могут объективно осознать всей тяжести своего бедственного положения. Более того, они с оптимизмом утверждают, что беда произошла по божественному определению и что бескормица — к добру. Выделенный сложный синтаксический комплекс формально устроен следующим образом. Три утверждения, в финале которых употреблена частица *da*: со значением уверенности и усиления (*burqan-u tayalal-iyar teyimü / qatayу jud bolbai-da*: ‘(конечно / ведь) жестокая бескормица произошла по божьей воле’ и др.), вводятся при помощи глагола-связки *kemen* и подаются как мысли, которые автор приписывает хоринцам. Используя утвердительную частицу *da*: в каждой из трех частей, автор, с одной стороны, передает эмоционально окрашенную уверенность хоринцев в том, что все

так и есть, как они наивно полагают. С другой стороны, многократное употребление этой частицы и повторение в разных формах идеи о том, что не нужно беспокоиться о происходящем, образуют риторический повтор, в котором, опираясь на контекст, можно считать скрытую насмешку над неверными умозаключениями хоринцев¹. Таким образом, в рассмотренном материале используется те же средства выражения иронии, которые зафиксированы в примерах из Корпуса бурятского языка.

Заключение

Проведенный анализ выявил, что ирония в бурятских письменных текстах может передаваться с помощью таких языковых средств, как стилистически маркированная лексика (в частности, гипербола, возникающая посредством употребления слов высокого стиля), модальные частицы (*даа*, *гээшэ*, *-л(э)* и др.) и повторы (лексические, смысловые и др.). Эти элементы сами по себе не являются маркерами иронических высказываний, но способны в нужном контексте передавать скрытую насмешку, отрицательное отношение говорящего к чему-либо. Настоящая статья является одной из первых попыток описать средства выражения иронии в бурятском языке с собственно лингвистической точки зрения и поэтому результаты данной работы, безусловно, не являются исчерпывающими. Думается, что проведенное исследование задает вектор для дальнейшего комплексного изучения иронии в бурятской речи на более крупном материале, для поиска и отбора которого еще предстоит выработать методику. Наиболее перспективным видится поиск и анализ лингвоспецифичных способов передачи иронии в бурятском языке (наряду со сложнопереводимыми модальными частицами), а также изучение средств выражения иронии в устной бурятской речи.

Литература

1. Абаева Ю. Д. Интонационное выражение эмоций в современном бурятском языке // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 12(48). С. 1–7. URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.48> (дата обращения: 20.07.2025). Текст: электронный.
2. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 394 с. Текст: непосредственный.
3. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с. Текст: непосредственный.
4. Базаржапова А. Д., Иванов В. В. Бурятский язык в современном медиапространстве: положительные тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 2. С. 26–35. Текст: непосредственный.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов / ответственный редактор Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. Москва: Высшая школа, 1986. 640 с. Текст: непосредственный.

¹ Если рассуждать об истоках такого спокойного принятия своего бедственного положения, то в представленных утверждениях хоринских бурят можно проследить отражение буддийской философии, которая с XVI в. вошла в быт и культуру бурят (хоринского народа и других племен) и существенным образом повлияла на их мировидение.

6. Дадужева Е. А. Повторы как средство выражения эмоционального воздействия в бурятских каузативных конструкциях // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 26–32. Текст: непосредственный.
7. Даржаева Н. Б. Синтаксические средства выражения эмоций в бурятском языке // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. Вып. 14. С. 89–97. Текст: непосредственный.
8. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка: учебное пособие / ответственный редактор Л. П. Крысин. 3-е изд., стер. Москва: Флинта, 2022. 202 с. Текст: непосредственный.
9. Летопись хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултура Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. IX. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. 172 с. Текст: непосредственный.
10. Летопись хоринских бурят. Хроники Тугултура Тобоева и Вандана Юмсунова / перевод Н. Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. XXXIII. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. 106 с. Текст: непосредственный.
11. Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 4. С. 1103–1120. Текст: непосредственный.
12. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с. Текст: непосредственный.
13. Сундуева Е. В. Тени улыбки в монгольских языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6(416). С. 179–184. Текст: непосредственный.
14. Цыренов Б. Д. Лексико-фразеологическое своеобразие выражения негативной эмотивности в монгольских языках (на примере бурятских глагольных фразеологизмов с семантикой «гневаться») // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 5(53). С. 1–5. URL: <https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.27> (дата обращения: 21.07.2025). Текст: электронный.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2012. 414 с. Текст: непосредственный.
16. Bally Ch. Traité de stylistique française. 2 vols. Heidelberg: C. Winter, 1909.
17. Eke C. I., Norman A. A., Shuib L., Nweke H. F. Sarcasm Identification in Textual Data: Systematic Review, Research Challenges & Open Directions. *Artificial Intelligence Review*. 2020; 53: 4215–4258.
18. Ginneken J. van. Principes de linguistique psychologique. P. etc., 1907. 552 p.
19. Kaufer D. S. Irony, Interpretive Form, and the Theory of Meaning. *Poetics Today*. 1983; 4; 3: 451–464.

Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена после рецензирования 29.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING IRONY IN BURYAT WRITTEN TEXTS

Larisa B. Badmaeva

Dr. Sci. (Philology), A/Prof.
Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia
lorabadm@mail.ru

Altana D. Bazarzhapova

Research Assistant
Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia
dorjaltan@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by the growing importance of anthropocentric linguistics and the limited research on the verbalization of emotions in the Buryat language. The article focuses on identifying lexical means and figures of speech that convey a person's emotional state. The research material consists of excerpts from contemporary literary texts and historical narratives of the Buryats written in the classical Mongolian script. It is established that narrative texts in Buryat make limited use of emotional expression, with the exception of *irony*. Although irony and sarcasm are widespread in any society, the linguistic means of their expression remain insufficiently studied in linguistics. The analysis shows that in Buryat written texts irony can be conveyed through such linguistic means as stylistically marked vocabulary (in particular, hyperbole arising from the use of elevated style), modal particles (*da-a* / *ᠳᠠᠠ*, *geeshe* / *гээшэ*, *-l(e)* / *-л(э)*, etc.), and repetition (lexical, semantic, and others). These elements are not markers of ironic utterances in themselves; however, in a specific context they are capable of conveying hidden mockery, the speaker's negative attitude toward something, and a particular emotional – intellectual coloring – irony that may develop into sarcasm.

Keywords: The Buryat language, irony, corpus data, Buryat chronicles, modal particles, repetition, stylistics, emotiveness.

Acknowledgments

The article was carried out within the state assignment (project — *The human world in the Mongolic languages: Analysis of emotiveness expression means*, No. 121031000258-9).

For citation

Bazarzhapova A. D. Linguistic Means of Expressing Irony in Buryat Written Texts. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 4: 67–76 (in Russ).

The article was submitted 05.10.2025, approved after reviewing 29.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.